

ВОПРОСЫ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Лесостепное Поволжье вследствие географических особенностей на протяжении длительных периодов истории являлось территорией для различных форм взаимоотношений кочевого скотоводческого и оседлого населения. С одной стороны, нехватка пастбищ и борьба за них выталкивали степных кочевников в лесостепное Поволжье. С другой стороны, со времени становления кочевого скотоводческого хозяйства в степи южная лесостепь стала зоной, "опасной для жизни" оседлого населения из-за постоянной угрозы нападения со стороны степняков. По левобережью Волги она почти обезлюдела до широты р. Бол. Черемшан, за исключением внутренней части Самарской Луки, которая, находясь на стыке ландшафтных зон, в течение нескольких исторических периодов оставалась "островком жизни" для оседлого населения. Примерно на ее широте проходила северная граница кочевий, но периодически вследствие различных причин она сдвигалась вдоль поймы Волги до широты Камы.

Имеющиеся письменные источники малоинформативны, но данные археологии далеко не всегда дают однозначные ответы на поставленные вопросы, в том числе и при определении социально-экономического уклада. Важно учитывать степень и равномерность изученности не только лесостепного Поволжья, но и степного пояса Евразии, откуда могли происходить миграции на его территорию. Необходимо отметить малую численность археологических памятников степных кочевников. Это связано и с объективными причинами, вследствие происшедших исторических процессов ("таборное кочевание" и т. д.), и с субъективными факторами. Источниковедческая база по степным кочевникам сильно пострадала из-за массового разграбления курганов. Причем это происходило начиная со времени их сооружения, в последующие эпохи и происходит в настоящее время. Немаловажным фактором явилась массовая распашка степных районов в советский период истории, особенно в 1970-1980-е годы. Средневековые кочевники, как правило, сооружали невысокие насыпи, или делали впускные захоронения в насыпи курганов предшествующих эпох. В первом случае курганы легко уничтожались, и обнаружить захоронения можно только случайно. Во втором случае впускные захоронения разрушались в первую очередь. Множество раннесредневековых археологических памятников разрушено при строительстве водохранилищ по Волге и на Дону (широкая

пойма этих рек, богатая кормовыми угодьями, в первую очередь привлекала кочевников). Не все памятники новостроечных экспедиций нашли отражение в научных публикациях.

Приток кочевого населения в лесостепное Поволжье начинается с конца VII в. В предшествующий период, после гуннского нашествия прилегающая степь была малолюдная и, скорее всего, являлась "коридором" по которому волны кочевников прокатывались с востока на запад в более богатые кормовыми угодьями районы Юго-Восточной Европы, а немногочисленное население находилось на так называемой "таборной" стадии кочевания, без установленных маршрутов кочевок. По общему мнению исследователей ситуация меняется с 60-х годов VII в. в связи с созданием Хазарского каганата и установлением его гегемонии на юге Восточной Европы. Вследствие этого, видимо, происходит передел кочевий, и обделенные вынуждены были мигрировать на Среднюю Волгу и, в первую очередь, в южную лесостепь. Наиболее плотно первой волной кочевников была занята Самарская Лука, богатая заливными лугами. В археологической литературе за курганными могильниками, расположенными на ней, закрепилось название "памятники новинковского типа". Одной из главных проблем, возникшей при их изучении, стало выяснение исходного района миграции этого населения на Самарскую Луку. Оно признается исследователями этих памятников болгарским. Соответственно поиск шел на той территории, где традиционно размещали "Великую Болгарию" хана Кубрата согласно византийским хронистам, т.е. в Восточном Приазовье. В то же время наличие каменных набросок в насыпях курганов объясняется участием алтайских тюрок в миграции болгар на Среднюю Волгу (Богачев, 2000, с 205-206). Тем не менее остается за кадром отсутствие самих алтайских тюрок, их памятников в Приазовье. Факт политического влияния на эту территорию I Тюркского каганата не в счет. Г.И. Матвеева аналогии комплексам новинковского типа находит преимущественно на территории Северного Причерноморья в памятниках V-VII вв. (Матвеева, 1997. С. 90-92). Немногочисленные аналогии серьгам этих памятников Д.А. Сташенков находит в Поднепровье, причем преимущественно в одном районе. Он же отмечает, что, несмотря на многочисленные аналогии элементам костюма в различных кочевнических памятниках Евразии, сам набор этих элементов не повторяется нигде.

де и все вещи укладываются в рамки конца VII - первой пол. VIII вв. (Сташенков, 2000. С.126-127). Вывод Д.А. Сташенкова об аналогиях украшениям костюма населения новинковского типа памятников в степном Поднепровье интересен в связи со сведениями о ранней истории болгар, которые содержатся в летописи "Гази-Баридж тарихы", датированной 1229-1246 гг. Они были проанализированы З.А. Львовой (Львова, 2001. С.105-110). Она была включена в свод болгарских летописей, составленный в 1860 г., и опубликованный в Оренбурге и Казани в 2003 г. Впервые ссылка на нее была сделана И.А. Барановым (Баранов, 1998. С.19-21). Согласно летописи, родовые кочевья хана Куврата располагались не в Прикубанье Приазовье, а в Поднепровье. В таком случае легко находит объяснение зависимость болгар от авар, которые локализовались в Паннонии. Они и остались за ними после смерти Куврата, а хазары захватили ближайшие к ним земли Прикубанья и Восточного Приазовья. По сведениям этой летописи, Аспарух бежал на Дунай не из своих кочевий (Приазовье, Прикубанье), а из крепости Башту (современный Киев), по реконструкции З.А. Львовой. По ее мнению, в связи с данными летописи о болгарях иными видятся и археологические памятники Поднепровья VII в., в первую очередь перещепинского круга, которые следует считать болгарскими, а не хазарскими (Львова, 2001. С.109-110). К этому хронологическому горизонту, определяемому, скорее всего третьей четвертью VII в., относятся и Шиловские курганы на юге Ульяновской обл. Кроме них, вероятно, концом VII в. датируются Екатериновское и Березовские захоронения, расположенные вблизи Самарской Луки, в то время как памятники новинковского типа локализируются исключительно во внутренней ее части и объединяющей их особенностью является наличие каменной наброски над погребениями. Некоторые из них датируются концом VII в. (Багаутдинов, Хузин, 2006. С.116). Несмотря на существующие расхождения по этнокультурной интерпретации этого населения, преобладает точка зрения, согласно которой оно синтезировало в своей культуре особенности различных племенных группировок. С.Э. Зубов убедительно показал, кроме юго-западных истоков, восточный, южносибирский компонент в памятниках новинковского типа (Зубов, 2006. С.14-16). В то же время все так остается неясным, на какой конкретной территории происходило это слияние. Почти все исследователи в вопросе их этнокультурной интерпретации признают их болгарскими, но в то же время оперируют по отношению к ним такими понятиями как "протоболгарские", "раннеболгарские", что не вполне корректно. Особого мнения придерживается Е.П. Казаков, который

вообще не признает их болгарскими (Казаков, 1994. С.12). С учетом полиэтничности населения Юго-Восточной Европы как накануне формирования Хазарского каганата, так и в последующее время, а также вследствие особенностей археологического материала, далеко не всегда можно убедительно выделить этнокультурные особенности, соотнести их с конкретными этническими наименованиями, известными по письменным источникам. Может быть, уместнее называть археологические комплексы кочевников в лесостепном Поволжье памятниками раннеболгарского времени. В качестве примера можно привести знаменитое захоронение Шиловского кургана. В.Е. Флерова определила изображения на костяных пластинах как произведение согдийского ремесла по заказу степных кочевников, но возражала против конкретной этнической атрибуции этого захоронения как болгарского (Флерова, 2001. С. 82-85). И на самом деле это захоронение трудно однозначно интерпретировать: там присутствует, казалось бы, и аланская традиция - катакомба, и прямоугольный ровик вокруг могилы, традиция, которая в последние годы многими исследователями связывается непосредственно с хазарами, и локализована на территории домена собственно хазарского кагана. Нельзя не учитывать того факта, что для удержания территории лесостепного Поволжья в своем подчинении хазарам необходимо было иметь свои гарнизоны и представителей, хотя бы на ранней истории каганата. Возможно, заселение лесостепной полосы Среднего Поволжья кочевниками в конце VII в. происходило через территорию прилегающей степи. На эти размышления наводит Екатериновское захоронение. Для подтверждения этой мысли, конечно, необходимы соответствующие материалы Саратовского степного Поволжья. В вопросе датирования первой волны кочевнических комплексов на юге лесостепного Поволжья нет единства. В данном случае особый интерес представляют памятники новинковского типа, так как с их хронологией увязывается гипотеза о судьбе его населения (Сташенков, 2003. С. 339). Наиболее раннюю дату дает им А.В. Богачев, определяя время их появления серединой VII в., доводя их существование до третьей четверти VIII в. (Богачев, 2000. С. 169). Н.А. Лифанов датирует эти памятники более поздним временем, чем другие исследователи. Самые ранние он определяет временем не ранее рубежа VII-VIII вв., доводя существование памятников этого типа на Самарской Луке до начала IX в. (Лифанов, 2005. С.36). Д.А. Сташенков датирует прекращение функционирования их серединой VIII в., полагая, что их исчезновение связано с походом арабского полководца Мервана в глубь Хазарс-

кого Каганата в 737 г. Интересно его мнение об отходе уцелевшего населения в глубь лесостепного Поволжья. Этот вывод он сделал после изучения материалов Кайбельского могильника (Сташенков, 2003. С.339). Оно перекликается с мнением С.Г. Кляшторного о причине прекращения существования памятников именьковской культуры в Среднем Поволжье (Кляшторный, 2000. С.57-60; 2006. С.227-229). Он видит ее в упоминании в письменных источниках пленения Марваном бургас и славян. Последние скрываются под этнонимом ас-сакалиба. Но этот этноним, вполне вероятно, имеет более широкое толкование. Под ним могут скрываться все малоизвестные арабам народы "севера" (к северу от степной полосы). Так, например, полагает О.Г. Большаков (Большаков, 2000. С.54). С.Г. Кляшторный доводит хронологию памятников именьковской культуры до 737 г., причем говорит о вкраплениях ее населения в иноплеменной состав (Кляшторный, 2006. С.227). Хотя в последнее время появляются материалы, свидетельствующие о возможном доживании части населения именьковской культуры до этой даты на территории Ульяновского Поволжья, но в то же время почти все исследователи говорят о притоке населения в лесостепное Поволжье с юга Хазарского каганата в результате арабо-хазарских войн. На Самарской Луке есть материалы, определяемые второй пол. VIII в. (Лифанов, с.36-37). А.В. Богачев, говоря о притоке кочевого населения на Самарскую Луку в середине VIII в., увязывает его с развалом II Тюркского каганата в 744 г. Поэтому сомнительно прекращение функционирования памятников новинковского типа как следствие арабо-хазарских войн. К тому же очень проблематично соотносить их население с бургасами письменных арабских источников. Локализация бургасов в пределах только Самарской Луки не соответствует данным тех же арабских источников IX-X вв. Сомнительно подразумевать под горами, в сторону которых бежал хазарский каган от арабского войска, Жигулевские горы. Скорее всего речь идет о Приволжской возвышенности, которая начинается за пределами домена Хазарского кагана. Ведь сначала Мерван достиг "гор", а затем реки (речь идет о Волге). Приволжская возвышенность как раз и располагается в районе Самаро-Саратовского Поволжья вблизи Волги. Там обычно и помещают бургас арабских источников IX-X вв. Протяженность их территории вдоль нее определяется в 15 дней пути (Калинина, 1990. С.35-36), что никак не соответствует размерам Самарской Луки. Как в плане этнокультурной интерпретации, так и судьбы населения памятников новинковского типа, интерес может представлять II Армиевский курганно-грунтовой могильник

IX-X вв. в Пензенской области. А.Х. Халиков признал его бургасским. Курганные насыпи его состоят из камней. К сожалению, материалы раскопок практически не опубликованы (Халиков, 1990. С.88-97).

Важными вопросами являются "оседание" кочевников на землю и их контакты с предшествующим населением именьковской культуры. Здесь существуют полярные подходы и оба вопроса связаны между собой. А.В. Богачев не признает возможность контактов между населением именьковской культуры и кочевниками даже первой волны в лесостепном Поволжье, так как первые покинули его не позднее конца VI в. под давлением последних (Богачев, 2005. С.195-196). Особенно выделяется мнение Е.П. Казакова в вопросе перехода кочевников к оседлому образу жизни, согласно которому до середины X в. основная масса населения Волжской Болгарии вела кочевой или полукочевой образ жизни и поселений было мало (Казаков, 1992. С.77). Материалы исследований городищ "Чертов городок" (Семькин, 2006. С.233-238) и Новослободского (устное сообщение исследователей) в Ульяновском Поволжье позволяют говорить о контактах и даже симбиозе населения именьковской культуры и раннеболгарского в VIII в. О достаточно раннем переходе к оседлому образу жизни кочевников "первой волны" пишет Г.И. Матвеева, опираясь в первую очередь на материалы II Северякаевского селища на Самарской Луке (Матвеева, 2005. С.294-298). Она датирует его VIII, возможно, IX вв. Вряд ли стоит сомневаться в том, что большая часть населения именьковской культуры покинула Среднее Поволжье, а часть его осталась. Процесс этот, видимо, был не одновременный. По крайней мере на Самарской Луке нет именьковских памятников, которые можно было бы уверенно датировать VII в. Именно с этой пограничной со степью территории население могло мигрировать в первую очередь. Возможно, этим можно объяснить появление именьковцев в Южном Приуралье в VII веке. Другая более поздняя и более многочисленная волна этого населения, вероятно, ушла на рубеже VII-VIII вв. в левобережное лесостепное Поднепровье, образовав там памятники волынцевского типа, как писал об этом В.В. Седов (Седов, 1994. С.315). Конечно, для более определенных выводов необходимы дополнительные материалы.

Традиционно вторую переселенческую волну кочевников из юго-восточной Европы в лесостепное Поволжье связывают с арабо-хазарскими войнами первой пол. VIII в. Наиболее изученным является II Больше-Тарханский могильник. К сожалению, о масштабах миграций судить трудно, так как не весь имеющийся археологический материал введен в научный оборот. Также сложно судить о масштабах

“оседания кочевников на землю”, перехода к оседлому образу жизни. Поселений VIII-IX вв. немного. Подавляющая масса поселений относится ко времени не ранее X века. Пока несомненно соотношение мигрантов с территории Хазарского каганата середины VIII в., оседлого и кочевого населения. “Оседанию” кочевников, вероятно, способствовала ограниченная территория кочевания.

Третью волну переселений с территории Хазарского каганата связывают с принятием иудаизма как государственной религии во второй половине IX в. (Багаутдинов, Хузин, 2006. С.121). Роль кочевого и оседлого населения в этом переселении является не совсем ясной. В то же время в IX в. отмечается массовый приток в лесостепное Поволжье населения с территории Среднего Прикамья и Приуралья (ломоватовская, неволинская культуры). С территории Южного Приуралья через южную лесостепь на рубеже VIII-IX веков проникает население кушнаренково-караякуповского типа памятников. Оно вступает в этнокультурные контакты с населением салтово-маяцкой культуры. Отражением этих процессов явилось появление Танкеевского могильника, который возник, вероятно, в середине IX в. Население кушнаренково-караякуповского круга локализовалось преимущественно в восточных районах лесостепного Поволжья. Оно, видимо, первоначально вело полуоседлый образ жизни, занимаясь преимущественно коневодством и не имея длительных сезонных перекочевков. Особый интерес представляет группа памятников этого круга, локализованная преимущественно в южной части лесостепи и прилегающей кромке степи Самарского Поволжья. Их датировка укладывается в рамки IX в. (не ранее 2-й пол. VIII в.). Зафиксированы этнокультурные контакты его с населением новинковского типа на Самарской Луке (Лифанов, 2005. С.71; Зубов, 2006. С.16). Может быть, оно и явилось причиной их исчезновения? К X в. памятники кушнаренково-караякуповского круга исчезают. В степном Самарском Заволжье появляются одиночные захоронения, ассоциируемые с печенегами, вытесненными туда гузами (Богачев, 2006. С.397). Вероятно, часть его проникла на территорию будущей Волжской Болгарии. Это нашло отражение в Танкеевском могильнике (Казаков, 1992. С.77). На X век приходится становление южной границы Волжской Болгарии. На левобережье Волги она проходит примерно на широте р. Большой Черемшан. На прилегающей с юга территории лесостепи устанавливается нейтральная незаселенная зона между ней и степными кочевниками. В последующее время (до монгольского нашествия) на территорию лесостепного Поволжья не проникают значительные группы кочевого населения.

Список литературы:

Багаутдинов Р., Хузин Ф., 2006. Ранние булгары на Волге // История татар. Т.1. Казань.

Баранов И.А., 1998. Великая Болгария и Крым: Итоги и проблемы изучения // Международная конференция “Византия и Крым”, Севастополь, 6-11 июня 1997 г. Тезисы докладов. Симферополь.

Богачев А.В., 2000. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М.

Богачев А.В., 2006. Печенеги отрезанные Самарского Заволжья (в свете новых археологических источников) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара.

Большаков О.Г., 2000. Уточнение к переводу “Записки” Ибн-Фадлана // Древнейшие государства Восточной Европы. М.

Зубов С.Э., 2006. Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII-VIII вв. (к вопросу об этнокультурном компоненте). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань.

Казаков Е.П., 1992. Этапы взаимодействия волжских болгар с населением салтово-маяцкой культуры // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза.

Казаков Е.П., 1994. Культура ранней Волжской Болгарии. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М.

Калинина Т.М., 1990. Восточная Европа в представлениях ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Масуди (в связи с проблемой буртасов) // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза.

Кляшторный С., 2000. Межкультурный диалог на Великом Волжском пути: исторический аспект // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28-29 августа 2000 г. Казань.

Кляшторный С., 2006. Пра斯拉вяне в Поволжье // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск.

Лифанов Н.А., 2005. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001-2002 гг. // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара.

Лифанов Н.А., 2005а. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Донецк.

Львова З.А., 2001. Летопись Гази Баридж Тарихы (1229-1246) и ее данные о древних булгарах // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж.

Матвеева Г.И., 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.

Матвеева Г.И., 2005. К вопросу о седентаризации ранних болгар в Поволжье // "Городцовские чтения". Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М.

Седов В.В., 1994. Славяне в древности. М.

Семькин Ю.А., 2006. Археологические данные о контактах ранне-болгарских и именьковских племен на территории Среднего Поволжья // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Ижевск.

Сташенков Д.А., 2000. О составе украшений костюма новинковской культуры // Культуры

степеней Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара.

Сташенков Д.А., 2003. Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953-1954 годах // Вопросы археологии Поволжья. Вып.3. Самара.

Флерова В.Е., 2001. Согдийское ремесло и кочевники VII-VIII вв.: о происхождении находок из Шиловского кургана. // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж.

Халиков А.Х., 1990. Буртасы и их историко-археологическое определение // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза.